

Евгений ДЕМЕНОК

Лермонтов в творчестве
Олега Соколова

В день освобождения Одессы Красной Армией, т.е. 10 апреля 1944 года ГЛУЩЕНКО явился к начальнику отдела "А" УНКГБ Одесской области майору госбезопасности ША-ПОВАЛОВУ и сообщил ему о судьбе резидентуры КАЛОШИНА.

12 апреля 1944 года ГЛУЩЕНКО в сопровождении группы бойцов Красной Армии был направлен в катакомбы для изъятия оставленных там документов резидентуры.

После обнаружения и передачи бойцам указанных документов ГЛУЩЕНКО А.Я. там же в катакомбах случайно подорвался гранатой и 14.04.1944 года умер в Одесской городской больнице.

(Обстоятельства гибели Александра Глущенко до сих пор вызывают массу вопросов. Исходя из тех документов, которые уже найдены в архивах, очень сложно поверить в случайность его гибели, — прим. авт.)

Оставшийся в живых из всей резидентуры КАЛОШИНА один участник внешней группы, быв. разведчик 3 спецотдела УНКВД по Одесской области МОЛУКАЛО Н.З. арестован нами 24 мая 1944 года как агент сигуранцы и передан со всеми компрометирующими его материалами в распоряжение УНКГБ Одесской области для ведения следствия.

(Молукало вскоре был расстрелян за измену Родине, — прим. авт.)

На основании изложенного
ПОЛАГАЛЫ:

1. Расследование по делу резидентуры считать законченным, материалы сдать на хранение в архив 4 управления НКГБ СССР.

2. Назначить пенсии семьям всех погибших в тылу противника членов резидентуры, за исключением предателей — СЕМЕРЮНИК Е.А., ПРОХОРЦЕВА М.Л., АВРАМЕНКО К.А. и МОЛУКАЛО Н.З.

(Как мне рассказывали родственники погибших бойцов группы Кузнецова — Калошина, семьи действительно после войны получили пенсии и медали "Партизану Отечественной войны". Но никто им так и не объяснил, что произошло с их отцами и сыновьями. В извещениях было написано кратко: "Погиб при исполнении специального задания в г. Одессе", — прим. авт.)

ЗАМ НАЧ СЛЕДСТВЕННОГО ОТДЕЛЕНИЯ 7
ОТД
4 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР капитан госбезопасности АНТОНОВ.

СОГЛАСНЫ: ЗАМ НАЧ 7 ОТДЕЛА 4 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР подполковник госбезопасности БОРИСКОВСКИЙ

НАЧАЛЬНИК 4 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР комиссар госбезопасности 3 ранга СУДОПЛАТОВ

Сразу после первого прочтения этой справки мне было сложно осознать причины произошедшего и разобраться в собственных эмоциях. Только долгая работа с их личными делами, накопление документов, работа под землёй позволили адекватно проанализировать всё, что произошло в группе Кузнецова — Калошина. Надо уразуметь, что это были обыкновенные люди со своими слабостями, страхами, боязнями и переживаниями. Кто знает, как мы вели бы себя в то время, в таких условиях и в таком окружении? Не будем их судить, но попробуем их понять. Попробуем ощутить то, что они испытывали, попробуем разобраться, почему они поступали так, а не иначе.

Мне приходилось находиться достаточно длительное время в жёстких условиях замкнутого пространства. И даже при том, что у меня и моих "коллег по несчастью" была возможность постоянно видеть солнечный свет, дышать чистым воздухом и относительно нормально питаться, напряжённость отношений между нами росла день ото дня и периодически выливалась в достаточно кровавые драки. И это при том, что у меня и условия были помягче, и коллектив побольше... А в отряде Кузнецова — Калошина всё было намного жёстче. Намного! И их никто не подбирал на совместимость, как космонавтов перед полётом. Они уходили под землю по приказу. И, как смогли, его выполняли.

Нет, мы не вправе их осуждать.

Сегодня известны почти все обстоятельства деятельности этой группы. Мне удалось отыскать и пообщаться с родственниками нескольких бойцов и получить от них довоенные фотографии ребят. В управлении СБУ Одесской области удалось создать целый стенд, посвящённый этой группе. Почти готова книга об их деятельности. Я побывал на Слободском кладбище, на могиле А. Глущенко. С точностью до нескольких метров установлено, где именно под Молдаванкой, в затопленном участке катакомб, покоятся останки 18 бойцов и командиров этого диверсионно-разведывательного подразделения. Очень хочется, чтобы однажды в Одессе появился памятник этим героям.

Михаил Юрьевич Лермонтов не бывал в Одессе. Существует красивая легенда о том, что бабушка его, Елизавета Алексеевна, привозила будущего великого поэта в Одессу ещё мальчиком, но, увы, легенда эта ничем не подтверждена. И, тем не менее, судьба Лермонтова связана с нашим городом удивительными и не очень заметными, на первый взгляд, нитями. Это, конечно же, та самая шумевшая публикация двух его стихотворений в "Одесском альманахе на 1840 год". Ставшие к сегодняшнему дню абсолютной классикой "Узник" и "Ангел" были тогда серьёзно и излишне жёстко раскритикованы Григорием Виссарионовичем Белинским в "Отечественных записках". Белинский писал о том, что "эти стихи, вероятно, принадлежат к самым первым опытам Лермонтова" и "нам, понимающим и ценящим его поэтический талант, приятно думать, что они не войдут в собрание его сочинений". Впрочем, другие критики объясняют столь необычный отзыв Белинского исключительно его нелюбовью к мистицизму и критикуют уже самого Белинского. Отзывы на альманах и опубликованные в нём стихотворения Лермонтова в других изданиях, в том числе — в "Литературной газете", кардинально противоположны — вплоть до восхищения. Разумеется, в "Одесском вестнике" от 2 марта 1840 года также опубликован положительный отзыв о стихотворениях. Ну ещё бы — Лермонтов был к тому времени всероссийской знаменитостью.

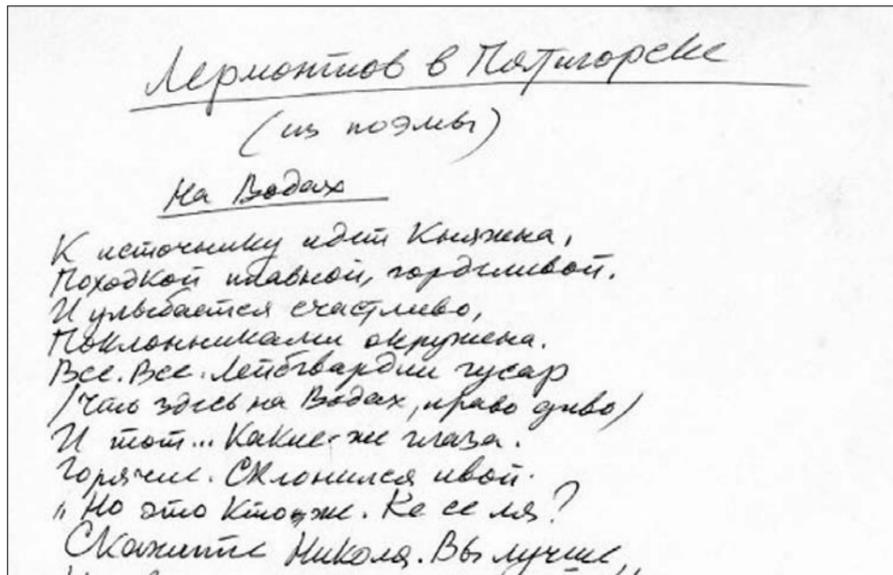
Есть ещё одна ниточка, связывающая великого поэта с нашим городом. Лев Сергеевич Пушкин. В 1842-м Лев Сергеевич переехал жить и работать в Одессу. А до этого — служил почти шесть лет на Кавказе в чине штабс-капитана, а потом и майора. По мнению Ираклия Андроникова, Лев Сергеевич познакомился с Михаилом Юрьевичем в 1837 году — в Ставрополе, Пятигорске или в доме А.Г. Чавчавадзе в Тифлисе. Оба они были участниками Галафеевской экспедиции 1840 года, вместе проводили конец 1840 года и первые дни 1841 года — в Ставрополе, в домах Граббе и Вревского. Пушкин и Лермонтов отличались остротой языка, о чём пишут А.И. Дельвиг, Э.А. Шан-Гирей и другие. Бывал Лев Сергеевич и у Лермонтова дома.

Ссора Лермонтова с Мартыновым в доме Верзилиных произошла в присутствии Льва Пушкина. Прямо в день гибели поэта, 15 июля 1841 года, буквально за несколько часов до этого, Пушкин виделся с Лермонтовым на пикнике в немецкой колонии Каррас (Шотландка) возле Пятигорска... Очевидец этих событий, некто Полевдин, в своём письме из Пятигорска в Петербург пишет: "Пушкин Лев Сергеевич, родной брат нашего бессмертного поэта, весьма убит смертью Лермонтова", он был лучший его приятель. Лермонтов > обедал в этот день с ним и прочею молодежью в Шотландке (в 6-ти верстах от Пятигорска) и не сказал ни слова о дуэли, которая должна была состояться чрез час. Пушкин уверяет, что эта дуэль никогда бы состоялась не могла, если б секунданты были не мальчики, она сделана против всех правил и чести".

В Одессе первое сообщение о смерти Михаила Юрьевича было опубликовано в 63-м номере "Одесского вестника" от 6 августа 1841 года. В статье А.С. Андреевича, присланной из Пятигорска, говорилось: "15-го июля, около 5-и часов вечера, разразилась ужасная буря с молнией и громом: в это самое время, между горами Машуком и Бештау, скончался лежавший в Пятигорске М.Ю. Лермонтов. С сокрушением смотрел я на привезенное сюда бездыханное тело поэта... Кто не читал его сочинений, проникнутых тем глубоким лирическим чувством, которое находит отголосок в душе каждого?..."

21 апреля 1842 года по просьбе Елизаветы Алексеевны Арсеньевой гроб с прахом Михаила Юрьевича Лермонтова привезен из Пятигорска в Тарханы, 23 апреля прах поэта погребён в фамильном склепе в Тарханах.

Следующая ниточка — Михаил Врубель. Лучший иллюстратор Лермонтовского "Демона". "Демон" стал визитной карточкой Врубеля и во многом Лермонтова. В 1891 году именно иллюстрации Михаила Александровича к юбилейному изданию собрания сочи-

нений Михаила Юрьевича оказались в порядке лучше работ Репина, Сурикова, Васнецова, Поленова... Врубель словно чувствовал Лермонтова лучше всех. А начиналось всё... в Одессе. Осенью 1885 года сбежавший в Одессу из Киева Врубель делает первые наброски к своему знаменитому "Демону сидящему". Он жил тогда в доме номер 18 по улице Софиевской — на нём теперь установлена мемориальная доска великому художнику.

Ниточка, ведущая уже в наше время, — это Олег Аркадьевич Соколов. И в первую очередь — не его знаменитая графика, а его стихи. Литературное творчество Олега Аркадьевича Соколова — это целый пласт, исследование которого только начинается. Я не знаю в Одессе другого такого художника, чьё литературное творчество было бы так тесно связано и сопоставимо по масштабу с собственным художественным творчеством. Виктор Сергеевич Никифоров в своих воспоминаниях об Олеге Соколове писал: "Олег Соколов кроме того ещё и поэт. Некоторые, кто его знает, считают, что он даже более велик как поэт, чем как художник".

Это вполне объяснимо — писать стихи Олег Соколов начал в юности, в середине тридцатых, и поэзия всю жизнь была его спутницей.

В 1937 году, в возрасте восемнадцати лет, Олег Аркадьевич начинает писать поэму "Лермонтов в Пятигорске", отрывки из которой можно найти в нескольких рукописных сборниках стихотворений, в частности, в сборнике "Железные цветы", куда вошли стихотворения 1937 — 1945 годов. Первый отрывок, "Рассвет", датирован 1937 годом. Отрывок "На водах" — 1941 годом.

Вот строки о поэзии из письма сестре Татьяне — письмо отправлено из Тбилиси, куда Олег Аркадьевич попал после ранения, и датировано 19.8.1944 года:

"Поэзия. Она убила во мне много хорошего. Вообще поэзия — это искусство, ведущее к пропасти душевной, а нередко и к смерти. Лермонтов. Я был в Пятигорске. Ну и местечко. За мной в долгу пятигорские улицы, цветники, горы. Целую и невредимую встречу после резни мечтает Олег сестру..."

Вот дошедшие до нас отрывки из поэмы:

ЛЕРМОНТОВ В ПЯТИГОРСКЕ

(отрывок из поэмы)

НА ВОДАХ

К источнику идет княжна
Походкой плавной, горделивой
И улыбается счастливо,
Поклонниками окружена.
Все. Все. Лейб-гвардии гусар
(что здесь, на водах, право, диво)
И тот... Какие же глаза
Горячие. Склонился ивой.
"Но это кто же? Ке се ля?
Скажите, Никола, Вы лучше".
Не взглянет даже. Веселят!..
.....
"Тенгинского пока поручик".
"Так это Лермонтов...
Однако".

1941.

РАССВЕТ

Хотел бы я в рассвет такой же синий
Навек покинуть свой родимый край.
Уйти куда-нибудь подальше от России,
Где мысль в плену, где правит Николай.
Где Пушкина так подло расстреляли.
И где на все легла престола тень.
Страна нужды, страна печали
И нищих срубов деревень.
Ты по апрель завалена в сугробы,
Но свят для нас твой неприятный кров.
И верно куда-то родине храним до гроба,
И за тебя пролить готовы кровь.
О Петербург, на отпуск свой короткий
К тебе вернуться, в тяжелый твой рассвет,
Где летний сад? Снег на решетках.
Мария где? Забыла или нет?
Кто знает, может, в дикой тройке
Уж кони нас, храпа, не понесут,
Кто знает, может, через Мойку,
Меня, как Пушкина, жандармы повезут.
Но день расплаты все-таки настанет,
Она придет, желанная заря.
Ты подавишь в крови одно восстание,
Но не подавишь дни другого декабря.
Тогда поднимутся голодные, босые.
Нет, не смогу я жить в чужом краю,
Нет, не смогу, ты все-таки Россия,
Я верю в гнев и молодость твою.

1937.

Судьба Лермонтова и его драма волновали Олега Соколова на протяжении всей его жизни. Лермонтов был для него если не идеалом, то очень высоким образцом — и как творца, и как человека. Это видно в последних строках раннего, военного стихотворения "Пролог":

ПРОЛОГ

Я с дьяволом вступил в торги:
"За душу, бытие в довольстве".
И стягивает быт круги,
Всё к худшему. Замечен в свойстве
Исподтишка хихикнуть, лгать,
Ходить, сутулясь,
Подбирать окурки.
И только в снах тревожит
Душу мать.
И только в снах
Я в лермонтовской бурке.

1942.

У Олега Аркадьевича есть целый ряд графических работ, посвящённых Лермонтову. На одной из них — газетная вырезка со стихотворением Беллы Ахмадулиной "Лермонтов и дитя". На другой — цитата из поэмы "Мцыри":

Но что мне в том? — пускай в раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдёт себе приют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и тёмных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

К сожалению, остальные части поэмы "Лермонтов в Пятигорске" нам пока не удалось обнаружить. Надеемся, что они сохранились и со временем поэма станет цельной — к удовлетворению поклонников творчества Олега Соколова, которых и в Одессе, и за её пределами предостаточно.